

Прыжов Иван Гаврилович

РУССКІЯ КЛИКУШИ.

I.

Женщина-кликуша была знакома всѣмъ вѣкамъ и всѣмъ народамъ; но только въ самое близкое къ намъ время начали устанавливаться болѣе правильные взгляды на нее, какъ на извѣстное патологическое явленіе въ общественной жизни, порождаемое иногда тѣми условіями, подъ гнетомъ которыхъ надламывается женская натура.

Признать болѣзненное состояніе женщины за вліяніе дьявольской силы, и такимъ образомъ обезобразить женщину -- это невысказано было для древняго грека. Бѣшенство и безумство не могли, конечно, не возбуждать въ грекѣ суевѣрнаго страха и удивленія,-- но никогда не служили предметомъ боготворенія и почитанія; древній грекъ обоготворялъ міръ свѣтлый, человѣческой. Женщина того времени хотя и болѣла, страдала тѣми же болѣзнями, какія испытываетъ и теперь, но всѣ симптомы ея разстроеннаго организма принимались, въ глазахъ вѣрующей массы, за дѣйствіе "демона" (*δαίμων*) -- свѣтлаго гения, присущаго всякому человѣку, и говорившему его устами. Медики, какъ Гиппократъ, объясняли это явленіе совершенно естественными причинами; напротивъ, школа Платона продолжала утверждать ихъ неестественное значеніе, -- а между тѣмъ, съ востока шло новое ученіе о людяхъ, одержимыхъ демономъ, уже въ значеніи злой, нечистой силы. Аполлоній Тіанскій, жившій въ I-мъ вѣкѣ по Р. Х., посмотрѣлъ внимательно на демона, поселившагося въ юношѣ, и демонъ завылъ печально, давъ обѣщаніе выдти изъ своей жертвы, и больше ужъ ни въ кого не входитъ. Подъ восточнымъ вліяніемъ (маговъ, халдеевъ), въ послѣднія минуты греко-римскаго міра появляется колдовство, или тайное знаніе, заставляющее боговъ служить человѣку, и халдей становится идоломъ, предъ которымъ пресмыкается теперь римская женщина, краснорѣчиво описанная Ювеналомъ. Мрачныя суевѣрія Востока переходили въ Европу

черезъ Африку, Римъ и Византію, и такъ, мало-по-малу слагался чудовищный періодъ средневѣкового колдовства.

Типомъ женщины въ древней Германіи, какъ и въ древней Греціи, служила прекрасная валькирія, свѣтлая дѣва Одина (*wunschmädchen, wälschelweib*, сканд. *ôskmeyar*); въ ней почитали "нѣчто святое"; но, вступивъ въ періодъ колдовства, германская женщина должна была пожертвовать всѣмъ, что въ ней было чистаго и святаго, и пасть въ объятія мерзостнаго козла. Еще въ первыя вѣка христіанства болѣзнь считалась дѣломъ злого духа. Григоріи Двоесловъ рассказываетъ, что какой-то стражъ началъ разъ бить благочестиваго человѣка Исаака, жившаго близъ Сполето. Вдругъ напалъ на стража злой духъ, повергъ его къ ногамъ угодника божія, и *устами его началъ кричать*: "Исаакъ изгонитъ меня" {Обыкновенная формула, произносимая русскими кликушами.}. Имя Исаака до того времени никому не было Извѣстно, и такимъ образомъ злой духъ, кричавшій, что Исаакъ можетъ изгнать его, ясно обнаружилъ способность предвѣщанія. Съ XIII-го вѣка начинается развитіе о *дьявольскомъ шабашѣ* (*synagoga diabolica*), и доходитъ до полного торжества въ XV-мъ в., во время появленія шпренгерова *млата на колдуній*. Женщина, получившая злое значеніе, въ теченіи долгаго времени носила названіе *немилостивой, Ингольды* (*Unholdin*), и слово колдунья (Нехе) встрѣчалось рѣдко; но въ XVI -- XVII в. оно пріобрѣтаетъ всеобщую извѣстность, и тогда наступаетъ знаменитая эпоха *сожженія колдуній*. Еще съ IV-го вѣка медики (Посидоній) начали утверждать, что вселеніе дьявола въ человѣка есть мечта, обманъ, но, не смотря на это, въ теченіи ряда вѣковъ, если не въ каждомъ домѣ, то въ каждомъ мѣстечкѣ, въ каждомъ городкѣ, можно было услышать сакраментальныя слова; "Exite, immundi Spiritus, quicunque estis, aut unus, aut plures"! Помѣщенная въ церкви, у церковныхъ дверей, на колѣняхъ, съ связанными руками и ногами, съ концомъ одежды патера, накинутой на шею, несчастная больная, вопрошаемая грозными словами, относящимися къ демону, и кропимая св. водой, *отчитывается* -- вотъ судьба средневѣковой дѣвушки, одержимой нечистымъ духомъ. Ни одна женщина, ни одна дѣвушка не могла быть увѣрена ни на одинъ часъ, что она не будетъ объявлена колдуньей. Въ 1491-мъ г., монахини въ Камбре подверглись бѣснованію, мучившему ихъ болѣе четырехъ лѣтъ. Одинъ изъ бѣсовъ, изгнанныхъ

монахами, объявилъ, что онъ вмѣстѣ съ своими товарищами посланъ былъ въ монастырь монахиною Жанною Потверъ, которую онъ посѣтилъ 434 раза, и несчастная монахиня должна была умереть подъ пыткой. Бѣснованіе монахинь св. Бригитты, начавшееся отъ одной молодой дѣвушки, постригшейся отъ несчастной любви, продолжалось десять лѣтъ. Прошло 60 лѣтъ, и въ 1613 г. бѣсы снова овладѣли монастыремъ св. Бригитты. Въ 1552 г. бѣсновались монахини Клиторнскаго монастыря близъ Страсбурга, и въ бѣшенствѣ кусали другъ друга. Въ 1554 г., восемьдесятъ еврейскихъ дѣвушекъ, обращенныхъ въ христіанство, и жившихъ въ одномъ, изъ римскихъ монастырей, вдругъ оказались бѣсноватыми. Въ 1560 г., взбѣсновались монахини назаретскаго монастыря въ Кельнѣ, и объявили, что имѣли ночное посѣщеніе дьявола. Тоже самое дѣлалось *съ дѣтьми*, жившими въ пріютахъ и институтахъ въ Меллѣ, въ Римѣ и т. д.

Вмѣстѣ съ католическимъ ханжествомъ, бѣснованіе перешло и къ западнымъ славянамъ. Въ курантахъ 1665 г. записано, что "недавно здѣсь (въ Моравіи) старую польскую женщину бѣснующую привели до костела къ богородицѣ начаючись, что она отъ бѣсовъ освобождена будетъ, а какъ образъ надъ нею подняли и бѣсы въ ней зарычали, какъ быкъ, страшнымъ голосомъ, а нынѣ ужъ въ третіе около ея духовенство ходятъ и хотятъ бѣсовъ изъ нее выгнать латынскимъ языкомъ, только они отвѣчаютъ изъ нее польскимъ языкомъ и даютъ на всякое слово подлинной отвѣтъ и сказываютъ, что отъ ней прежде выступить не хотятъ, покамѣста имъ укажутъ иное жилище въ человѣческомъ тѣлі. А вчерась они воопче просили, чтобъ имъ поволили опять пребывать здѣшняго города въ нѣкоей сапожной женѣ, которой имени не сказали или нѣкотораго господина въ слугѣ, и они отстанутъ, также просили для своего выхода нѣкотораго окна въ предѣлѣ св. Богородицы, а сказывали, что то окно такъ истолкутъ, что ни которой ремесленникъ не можетъ ево починить, только священникъ, которой смиренной и благочестивой человѣкъ не позволить имъ ничего, и отсылалъ бы ихъ, именемъ Христовымъ во адъ, гдѣ назначенное ихъ жилище; -- вчерась одинъ бѣсъ изъ нее говорилъ и клялся Луциферомъ, что они бѣснующую того дни покинуть хотятъ, только тотчасъ иной бѣсъ именемъ Шкабанъ при многихъ людяхъ сказалъ, что тотъ священникъ нынѣ ничего не сдѣлаетъ, напрасно онъ ихъ молитвою и клятвою своею

труждаетъ, потому что онъ ихъ всѣхъ не выгнать, и съ великимъ подавленіемъ слышать, какъ тѣ проклятые духи забраняются въ адъ идти, хотятъ всегда въ иномъ жилищѣ пребывать, а какъ имъ того не позволяютъ, и они кричатъ и рычатъ великимъ и страшнымъ гласомъ, и тогда надъ бѣснующею держать потиръ, и они шатаются въ ней, и называютъ тотъ потиръ силою Вышняго, а какъ вчерась священникъ ихъ выгонялъ, и они сказывали, что сего дни выходить хотѣли, чтобъ онъ имъ далъ одпочинуть, потому что они прошлой ночи на свадьбѣ были въ чужомъ жилище, и гораздо утомились,-- та бѣснующая мало ѣсть и только воду пьеть, а была-де она взята въ полонъ въ Татарехъ, и съ мужемъ своимъ, съ однимъ робенкомъ, а мужъ-де, ее въ полону умеръ, а робенокъ ножемъ зарѣзался до смерти, и она-де отъ тоски своей клялась многими дьяволами, и отъ того Богъ на нее и напустилъ, а по счету какъ они сами себя именами разными называютъ, ихъ въ ней 14-ть, -- а ужъ тому девять лѣтъ, какъ тѣ бѣсы въ нее вселились" {Бусл. Хрест. 1144.}. Корбъ въ 1699 г., въ Польшѣ у чудотворнаго креста св. Карла Боромейскаго, оказывающаго большое исцѣленіе бѣснующимъ, встрѣтилъ бѣсноватую женщину, которая издавала ужасный ревъ во время обѣдни. Въ 1625 г. появилась книга Ноде, написанная въ защиту людей, обвиненныхъ въ колдовствѣ: книга появилась въ Парижѣ, но перепечатывать ее во Франціи было запрещено... Послѣдній смертный приговоръ за колдовство былъ произнесенъ въ Бордо только въ 1718 году...

Такъ, завоеывая себѣ каждый шагъ, шло впередъ немолчное движеніе исторіи, и труженики науки, проводившіе въ жизнь знаніе и смыслъ, разсѣвали мракъ средневѣковаго колдовства, нависшій надъ землею. Но и до сихъ поръ еще нерѣдко стлкнутъя съ какимъ-нибудь обломкомъ средневѣковаго міра, а подь-часъ услыхатъ даже съ каедръ проповѣдуемую *Demonologic der Unvernunft*. Таковъ былъ мистицизмъ, возникшій въ XVIII-мъ в. съ расчетомъ на невѣжество, таковы и другія болѣзненныя явленія древней Европы, въ родѣ *спиритизма*.

II.

Русскія бѣсноватыя женщины дѣлаются извѣстными съ XI-го вѣка. Θεодосій Печерскій, въ словѣ о тропаряхъ, говорилъ: "бѣсны страждеть неволею -- пришедъ бо іерей къ бѣсному, створить молитву, проженеть

бѣса". Но бѣсноватый XI-го в. былъ еще явленіемъ рѣдкимъ, такъ что слова Θεодосія кажутся переводомъ изъ какой-нибудь восточной книги. Вѣра въ бѣсовство тогда еще не успѣла укорениться въ народѣ; народная жизнь текла еще широко, нося въ себѣ зачатки и христіанскаго просвѣщенія, и развитія народности, сказавшагося въ эпосѣ.... Къ XV-му вѣку готова уже была русская легенда о женщинѣ, сдѣлавшейся бѣсноватою за то, что она вошла въ церковь въ нечистомъ видѣ: "нѣкая жена именемъ Матрена -- плотною похотию съ своимъ мужемъ смѣсися, на оутрня же -- на обновленіе церкви прииде -- Божья соуда не оубояся, и пристоупи къ мощемъ св. Савостіана, и се внезапно духъ порази ю предъ всѣми людѣми, и сѣтвори бѣситися, церкви же тоя пресвитеръ отъ олтаря плащаницю вземъ покрыю; и томъ часѣ нанъ бѣсъ нападе, да повыкнетъ своимъ стоужепьемъ и оуразумѣють людіе же тоу соуціе." Ее лечили "многими волшѣбами", и водой, но ничто не помогало, потому что "боле же легиопа бѣсовъ вниде и ню, и злѣ нача трясеньемъ лютымъ плоть ея сокрушатися." Отъ XVI-го вѣка дошла легенда о бѣсноватомъ въ Ростовѣ. Привели его къ гробу св. Леонтія. "Желѣзы оковного по роуку и ногоу", онъ страшно кричалъ, глаза налились кровью: "сего ради страненъ и страшенъ позоръ всѣмъ бѣше, и въ церкви оубо пѣнью не слышатися отъ его кричанья и вопля и лаянія". Въ теченіи нѣсколькихъ дней онъ былъ привязанъ веревкою къ церкви, противъ гроба св. Леонтія, и не давалъ покоя сторожамъ, и тогда его привязали къ колокольнѣ. Стоглавый соборъ 1551 г. выводитъ на свѣтъ уже цѣлыя стаи бѣсноватыхъ, которыя трясутся и убиваются: "да по погостомъ и по селомъ ходять лживые пророки, мужики и жонки, и дѣвки, и старыя бабы, наги и босы, и волосы отростивъ и распустя, трясутся и убиваются {Стоглавъ, изд. Кож. 138.}". Къ половинѣ XVI-го вѣка дѣлается извѣстнымъ *кликанье*, какъ дѣло Святого Духа вселившагося въ челоука. Въ апокрифическомъ сборникѣ XVII-го в., принадлежащемъ Соловецкой библіотекѣ, записана слѣдующая молитва: "Златоустаго молитва Господу нашему Иисусу Христу. Господи Иисусе Христе Сыне Божій помилуй мя грѣшнаго. Аще кто молитву сію требуя ея глаголетъ, яко изъ ноздріе дыханіе по первомъ лѣтѣ вселится въ него Христосъ Сынъ Божій, по второмъ лѣтѣ внидетъ въ него Духъ Святой, по третьемъ лѣтѣ приидетъ къ нему Отець, и, *вшедъ въ него*, обитель въ немъ сотворить, и пожретъ молитва сердце, а сердце пожретъ молитву, и *начнетъ кликати* безпрестанно молитву сію день и ноць {Щап.

Русс. Раск. Старообр. 151.} ". Молитва эта была известна в XVI-м в., и внесена была в *Домострой* благовещенского попа Сильвестра, как необходимая для всякаго христианина {Дом., изд. Кож. 31.}. Дожив до XVII-го в., московская Русь представила миру крайнее развитие суевѣрій. В это время особая космогонія, съ особой суевѣрной моралью, съ особымъ волшебствомъ, образовалась цѣлая система колдовства, захватившая себѣ не только крестьянъ, но и всѣ сословія, всѣхъ людей отъ дворца и до хижины. Нагой просилъ у Горсея лекарства для царицы Марѣы, которая, по его словамъ, была *испорчена*, хотя она просто поражена была смертію своего сына. Такъ все человѣческое, всѣ самыя естественныя радости и страданія человѣка, все это отошло на задній планъ, заставленное демонскимъ навожденіемъ, и демонизированная женщина стала *кликучей*. Первое извѣстіе о кликушахъ, которыя появились в Перми подъ именемъ *икотницъ*, дошло до насъ отъ 1606 года {Истор. Акты, II, 66.}.

Первоначальное понятіе о кликушествѣ мы находимъ в словахъ *клекътати*, *клектъ*, *клечътанне*, выражавшихъ дѣйствіе, свойственное миѳическимъ существамъ. В "Словѣ о полку Игоревѣ" дивъ (лит. *deiwus*, *déwié* -- идолъ, ночное чудовище) *скличетъ* врѣху, велитъ послушати земли незнаемѣ." Предметы, посвященные русалкамъ, назывались *клепальными*. В Верхотурьи то мѣсто, гдѣ лѣшачиха по утрамъ расчесываетъ волосы, известно подъ именемъ *кликуча* {Изв. Геогр. Общ. 1854, I, 47.}. Клечать значило пророчествовать, возвѣщать, предвѣщать. У лѣтописца служители католической церкви клечать: "и капланове ихъ клечать" (П. С. Л. VIII). Отсюда же выраженія *кликать многолѣтіе*, *кликать вѣчную память*. Слѣдовательно *кличать*, *кликать* значило тоже, что *вѣщать* -- дѣйствіе, свойственное миѳической *вѣщей дѣвѣ*, -- дѣвѣ, хранительницѣ человѣка {В. Кар. 1, 80.}, славянской валкириі. Древнее высокое значеніе вѣщей дѣвы спускалось все ниже и ниже: мѣсто ея занимали *старая чадъ бабы*, *лихія бабы чародѣйки*, *вѣдьмы*, *колдуньи*, *яги-бабы*; самое слово "кликать" получило дьявольское значеніе, и в XVII-м вѣкѣ "страждущіе люди, отъ нечистыхъ духовъ *кликаные*, стали *кликать* в порчахъ на разныхъ людей." Нѣтъ сомнѣнія, что, вмѣстѣ съ этимъ, кликушу создавала и соціальная жизнь народа, упавшая очень низко. Женщина XVII-го в. была обращена в *злую жену*, -- "покоище зміино, дьяволъ увѣтъ"; но не лучше была участь *доброй жены*, которая обязана была любить смиреніе и молчаніе, пѣсенъ

пустошныхъ удаляться, и, ревнуя святымъ женамъ, носить черное платье. Въ общественной жизни она не пользовалась ни малѣйшимъ юридическимъ обезпеченіемъ: это была *кость мужа*, его *пѣтый кусъ*, и онъ билъ ее къ обѣду, а къ ужину опять. "Такимъ образомъ, отъ упадка вѣрованій, дошедшихъ до самаго дикаго колдовства, отъ нравственныхъ страданій, проявившихся у женщины въ XVII-мъ вѣкѣ въ болѣзняхъ сердца {"Сердцемъ больна". Заб. Сыск. дѣла о колдуньяхъ, 477.}, создается во второй половинѣ этого вѣка страшный образъ *кликуши*, дожившій до нашихъ дней.

Къ 1661 году, какъ говоритъ легенда, относится изображеніе бѣсноватой, сохранившееся въ рукописи XVII-го вѣка Имп. Публ. Библ. и въ списокѣ того же вѣка, принадлежащемъ г. Буслаеву. Въ 1661 г., за 14 поприщъ отъ Устюга, вверхъ по Сухонѣ, въ волости Ерогоцкой, у священника тамошней церкви была дочь Соломонія, и ее отдали замужъ за нѣкоего земледѣльца Матѳея, "иже бѣ пастухъ скотскій." Ночью, послѣ брака, мужъ ея вышелъ вонъ "тѣлесныя ради нужды," а въ это время дьяволъ вошелъ, и вселился въ Соломонію. Прииде на нее трясеніе и великій лютый ознобъ, и въ третій день она очюти у себя въ утробѣ демона люта. Съ девятаго дня окаянные демоны почали приходить къ ней, кромѣ великихъ праздниковъ, по пяти и по шести, въ видѣ прекрасныхъ юношей, и жили съ ней блудно. Мужъ отвезъ ее къ отцу и оставилъ тамъ. И въ домъ отца ея также стали ходить демоны, уносили ее къ себѣ въ воду, и она *живала у нихъ дня по три*, а наконецъ они совсѣмъ ее унесли, и отдали жившей у нихъ дѣвкѣ *ярославкѣ*. Соломонія отъ демоновъ зачала, и носила полтора года. Когда пришло время родить, она выслала отца своего изъ дому вонъ, сказавъ, что она хочетъ родить чертей, и что они могутъ его убить. И родила она ихъ шесть, видомъ они были сини, и взяла ихъ *бабка*, присланная демономъ. И паки зачатъ во утробѣ отъ насилія дьявольскаго, и родила двухъ демоновъ въ дому же отца своего, и невидимо унесоша ихъ отъ нея. Но Господь Богъ ее спасъ, хотяше чудесно прославити и возвеличити Пресвятую Богородицу, и угодниковъ Божіихъ, Христа ради юродивыхъ устюжскихъ, Прокопія и Іоанна. Началось тѣмъ, что отецъ ея сталъ въ алтарѣ проклинать демоновъ, потомъ явилась къ Соломоніи св. Ѳеодора, и велѣла ей жить въ Устюгѣ, и *къ отцу никогда не ходить*; стали ее водить по церквамъ, и демоны начаша утробу ея рвати, бросали ее на

помость церковный, яко свинія визжаще и стонуще. Одиннадцать лѣтъ больна была Соломонія, потомъ Христа ради юродивые, Прокопій и Иоаннъ, разрѣзали ей утробу, вытаскивали оттуда бѣсовъ и убивали ихъ кочергами на церковномъ помостѣ. Какой-то благочестивый человекъ слышалъ повѣсть объ этомъ чудѣ *зѣло душеполезну* отъ самой Соломоніи, при свидѣтеляхъ, отцѣ ея духовномъ и отцѣ ея родномъ и записалъ ее *въ память будущимъ родамъ* {Пам. Стар. Русс. Лит. I, 154--164.}. Соломонія объясняла свою болѣзнь, по откровенію, бывшему отъ св. Ѳеодоры, тѣмъ, что ее "попъ пьянъ крестилъ и половины святаго крещенія не исполнилъ;" но, по смыслу легенды, нѣтъ сомнѣнія, что болѣзнь ея началась отъ несогласія съ мужемъ, отъ постороннихъ любовныхъ связей, и т. д. Не даромъ говорила ей св. Ѳеодора: "*къ отцу своему не ходи, а живи въ Устюгѣ*", а св. Прокопій и Иоаннъ обѣщали ей исцѣленіе, съ условіемъ, *чтобъ она къ прежнему своему мужу не ходила*. Вотъ она стала пропадать изъ дому, не разъ уже родила: но постоянная боязнь за себя и за другихъ, и какіе-то *побои и раны*, и суевѣрное настроеніе духа, -- все это гнететъ ее, и она дѣлается больной. Тогда-то, въ страшной нравственной глуши Устюга, выходитъ на свѣтъ весь міръ колдовства XVII-го в., оживаютъ всѣ мѣстныя суевѣрія {Щаповъ, Ист. оч. міросозерц. II, 46.}, начинается запрещенное церковью отчитыванье, и слагается легенда о Соломоніи "зѣло душеполезна". Въ то время самое имя Соломоніи способно было создать какое-нибудь суевѣріе. По словамъ I. Флавія, въ его *Древностяхъ*, нѣкій Елеазаръ исцѣлялъ страждущихъ злымъ духомъ, прикладывая къ ноздрямъ бѣснующагося перстень, въ печати котораго была вдѣлана часть корня, *Соломономъ* показаннаго, и чрезъ обоняніе онаго извлекалъ изъ ноздрей бѣса. *Соломонъ* среднихъ вѣковъ считался за магика и колдуна {Maury, De l'astrol. et de la magie, 20. Rev. Arch. XV.}, а въ русскихъ заговорахъ отъ грыжи обращались *къ бабѣ Соломоніи* {Пам. Кн. Арх. губ. 1864, 19.}.

Въ Шуѣ, съ апрѣля 1666 г., на посадѣ, въ церкви Воскресенія Христова, начали дѣлаться чудеса и исцѣленія отъ новописанной иконы Пресвятыя Богородицы Смоленскія. Совершилось сто три чуда, и почти всѣ изъ исцѣленныхъ были одержимы бѣсами. Какой-то мальчикъ Іаковъ, идя отъ обѣдни, поднялъ дорогой платокъ, въ которомъ былъ завернутъ калачикъ, съѣлъ этотъ калачикъ, и въ это время вселился въ него злой духъ,-- прииде на него великая *икота*. "И тако смущая нечистый духъ отрока по вся

церковныя службы, паче же во святую литургію, -- паче же егда начнутъ пѣти святую херувимскую пѣснь." Жена нѣкоего Ивана Ожималова, Марѳа, совершила грѣхъ, и за день передъ праздникомъ Шуйской иконы Богородицы нечистый духъ "напусти на ню тоску люту, яко въ той лютой тоскѣ нача метатися сѣмо и овамо. Анна, жена Максима Филиппова Суздальскаго уѣзда, села Зилянокъ, жила въ деревнѣ Елизарихѣ, и "пріиде на нее тоска, а нача у нее нутрѣ болѣти, потомъ же нача безпрестанно *икати*, также нача кричати птицею кокушкою." Ѳедосья, жена Петра Михайлова, идя за водой, нашлаплатъ завязанъ, толкнула его ногой, и пошла прочь, но "дома на нее напала *тоска вельми люта*, посемъ же наведе на ню врагъ икоту, потомъ же нача кричати въ ней нечистый злой духъ, ово звѣремъ, ово птицею." У Дарьи, жены Ивана Семенова, сердце и животъ заболѣли, "и пріиде на ню тоска зѣло люта, и бысть вся обладаема нечистымъ, нача бѣгати, и вся неистовая дѣяти, овогда убо бѣгаючи по улицамъ, иногда къ рѣцѣ, къ лѣсу, и людей рѣючи и біючи, путы убо и желѣзы облагающе ю, и тако держаше ю." Вдова Ѳедосья Данилова испорчена была передъ Петровымъ днемъ, и "нача у нее животъ рости, и тосковала, токмо *не кликала* {Опис. Шуйск. Воскр. собора, М. 1812.}" Въ Шуѣ началась невыносимая жизнь: нельзя было выйти на улицу, или дотронуться до чего-нибудь безъ того, чтобъ не сдѣлаться бѣсноватымъ, и въ 1669 г. шуйскій земскій староста отъ имени всѣхъ посадскихъ людей билъ челомъ царю, что "волею Божіею и за умноженіе грѣховъ ради нашихъ, въ Шуѣ на посадѣ объявляются грѣшныя люди, порченныя мужеска и женска полу, различными всякими совѣстями мучимы бываютъ, иные на свадьбахъ, а иные невѣдомою статьею, и мучатся многое время, и *отъ чего какіе вражіе совѣсти чинятца и то намъ, сиротамъ, невѣдомо* {Чт. 1860, III, см. 21.-- Гарел. 198.}" Въ томъ же 1669 г. земскій староста съ посадскими людьми еще разъ билъ челомъ царю, что "у шуянина Ивашки Обросимова жена Оринка порченая, а въ порчѣ кликала на шуянина Якимова, вслѣдствіе чего Якимовъ, по твоему великаго государя указу, отосланъ въ Суздаль къ воеводѣ, а послѣ того Оринка въ порчѣ кличетъ на Онтонидку Якимову, будто она, Онтонидка, ее портила {Гарел. 198.}" Въ 1670 г., по указу царя и по наказу суздальскаго воеводы, велѣно было произвести слѣдствіе. На съѣзжій дворъ собрались земскій староста и земскіе цѣловальники, и сказали, что въ Шую со многихъ городовъ пріѣзжаютъ

разные люди молиться образу Пресвятыя Богородицы Смоленскія, и привозятъ скорбныхъ, одержимыхъ отъ нечистыхъ духовъ, и живутъ тѣ скорбные у воскресенскаго пономаря Ивашки Тимоѳеева многое время, отъ пяти до десяти недѣль и больше, и что Оринка дѣйствительно кликала на Ѳедьку Якимова, а нынѣ Оринка и на уѣздные иногородные скорбные стала кликать, а что кличутъ, того они не вѣдаютъ, да еще въ нынѣшнемъ году посадской человѣкъ Телегинъ подалъ въ земской избѣ явку, что-де страждущіе люди, отъ нечистыхъ духовъ *кликанья*, стали кликать въ порчахъ на него, и ту явку земскіе люди заявили воеводѣ Боркову, чтобъ "имъ всѣмъ шуяномъ, посадскимъ людишкамъ, въ томъ не погибнуть, и въ пенѣ, и въ отвѣтѣ не быть; а хто тѣхъ скорбныхъ людей портитъ, про то мы не вѣдаемъ" {Борис., 837.}. Въ явочной челобитной шуяне прибавляли, что тотъ Ѳедька Якимовъ, взятый въ Суздаль, *кончился злою смертію*, т. е. отъ пытокъ {Лв. 340.}. Прошелъ годъ, и шуяне опять вынуждены были писать челобитную къ царю, что "была-де у нихъ свадьба, и на той свадьбѣ, мать и сноха стали кликать въ порчѣ, *а отпускала -де ту свадьбу отъ всякаго лиха* посадскій человѣкъ Панинъ, а на другой день пришелъ въ домъ шуйской тюремной сторожъ Оська Григорьевъ Палатовъ, и взялъ посулу десять алтынъ четыре деньги, да шапку мужскую, да два перстня, да ширинку, да платъ миткалевый, и рекся мать ихъ и сноху отъ той скорби отходить, и поставить въ цѣлѣ умѣ и разумѣ, но въ цѣлѣ умѣ и разумѣ не поставилъ {Борис., 456.}."

Къ концу XVII-го в., масса московскихъ суевѣрій, легковѣрно принятая за народную старину, за старую народную вѣру, успѣла сложиться въ расколъ, и явились раскольницы-кликуши-пророчицы. Въ Тюмени, въ 1677 г., въ соборной церкви, *трое мушницъ и одна монахиня*, во время херувимской, закричали: "православные христіане, не кланяйтесь, несутъ мертвое тѣло, а на просвирахъ печатаютъ крыжомъ, антихристовою печатію!" Ихъ всѣхъ взяли въ приказную избу, нещадно били кнутомъ, и посадили въ земляную тюрьму. Монахъ Даніилъ, въ тобольскомъ уѣздѣ, на рѣчкѣ Березовкѣ, завелъ пустынь, поставилъ часовню и кельи, гдѣ пѣли вечерни, и проч. Въ этой пустыни старицы и дѣвки бились о землю и кричали, что видятъ Пресвятую Богородицу, а небо отверзто, ангелы вѣнцы держатъ тѣмъ людямъ, которые въ той пустыни постригаются {Сол. XIII, 310.}. Протопопъ Аввакумъ, жившій въ это время, съ величайшимъ

добродушіемъ разсказывалъ повѣсть о дѣвушкѣ, которую онъ исцѣлилъ, выгнавъ изъ нея бѣса. Эта страдица-дѣвушка кого-то любила, потомъ попала къ раскольникамъ, вышла, наконецъ, замужъ за любимаго человѣка, но счастья не нашла, стала кликушей, и умерла монахиней раскольницей. "А еще сказать ли тебѣ, старецъ, повѣсть?" пишетъ Аввакумъ въ своей автобіографіи. "Блазновито кажется, да было такъ. Въ Tobольскѣ была у меня дѣища, Анною звали: дочь моя духовная, гораздо о правилѣ прилежала, и всего міра сего красоту вознебрегла. Позавидѣ діаволъ добродѣтели ея, наведе ей печаль о первомъ хозяинѣ своемъ, Елизарѣ, у него же возросла, привезена изъ полону, изъ кумыковъ, чистотою дѣвство соблюла, и, егда исполнилася плодовъ благихъ (?), діаволъ окралъ: захотѣла отъ меня отъйти и за перваго хозяина замужъ пойти, и плакать стала всегда,-- о поклонахъ не стала радѣть: егда станемъ правило говорить, она на мѣстѣ стонетъ, да такъ и простоитъ. Видѣ Богъ противленіе ея, *послалъ бѣса на нее: въ правилѣ стоящу ей, да и взбѣситъ, и мнѣ, бѣдному, жаль: крестомъ благословлю и водою покроплю, такъ отступитъ отъ нея бѣсъ. Егда меня сослали изъ Tobольска, и я оставилъ ее у сына духовнаго,-- пошла за Елизара замужъ и дѣтокъ прижила, -- и какъ замужемъ была, по временамъ Богъ наказывалъ, бѣсъ мучилъ ее. Егда же азъ въ Tobольскѣ пріѣхалъ, за мѣсяць до меня постриглася, и принесла ко мнѣ два дѣтища, и, положа предо мною робятишекъ, плакала и рыдала, кающеся, безстыдно порицая себя. Въ обѣдню за мною въ церковь вышла, и нападе на нее бѣсъ, во время переноса, учала кричать и вопить, *собакою лаять*, и козою блекотать, и кукушкою куковать; азъ же сжалился надъ ней, покиня херувимскую пѣснь, взявши отъ престола крестъ, и на крылось взошелъ, закричалъ: "Запрещаю ты, именемъ Господнимъ, полно тебѣ, бѣсъ, мучить ее!" -- Бѣсъ же изыде изъ нея, и бысть здрава душою и тѣломъ, со мною и на Русь выѣхала. И какъ меня стригли, въ томъ году страдала съ дѣтьми моими отъ Павла митрополита на патриарховъ дворъ, вѣрры ради и правости закона. Довольно волочили и мучили бе"* {Лѣт. Р. Лит., 1859, VI, 170.}

III.

На рубежѣ московской Руси, создавшей кликушъ, и новой Руси, стоитъ истинная дочь своего времени, царица Софья, окруженная

кликушами. Сохранилось преданіе, что Мстиславскій, чтобъ утвердить Софью на престолѣ, уговорилъ обѣщаніями нѣсколькихъ кликушъ, а въ числѣ ихъ и одну знатнаго отца дочь, вклепать на себя бѣснованіе, и когда она закликала въ Успенскомъ соборѣ, то Софья стала молиться предъ Владимірской, и по молитвѣ ея дьяволъ вышелъ изъ кликуши {Тат. Геогр. и Ист. Лекс. III, 212.}. Далѣе разсказывается, по словамъ самовидца, Ис. Мих. Головина, что Софья долго содержала на жалованьи многихъ такихъ кликушъ, и наканунѣ выѣзда своего въ Дѣвичій монастырь, одну или двухъ изъ нихъ повелѣвала приводить къ себѣ, и наставляла, какъ имъ поступать во время ея проѣзда мимо ихъ; потомъ кликушъ вывозили на Дѣвичье-Поле, и полагали при дорогѣ къ монастырю, и Софья, проѣзжая мимо, силою молитвы исцѣляла бѣснующихся. Въ это же время, дворянка Кутузова, имѣвшая домъ въ Москвѣ, близъ Петровскаго монастыря, пользуясь легковѣріемъ народа, ославила бывшій у нея образъ Богоматери, и, чтобъ болѣе увѣрить въ томъ народъ, содержала у себя нѣсколькихъ подобныхъ плутовокъ (?), т. е. кликушъ, изъ которыхъ, предъ образомъ, молитвами и заклинаніями своими изгоняла мнимыхъ нечистыхъ духовъ. Петръ, узнавъ про это, повелѣлъ всѣхъ сихъ мнимо бѣсноватыхъ, при собраніи народномъ у дома Кутузовой, наказать плетьюми {И. Гол. Анекд., касающ. до госуд. И. Петра Вел. М. 1793, II.}. Въ словѣ шутовка, которымъ несчастная кликуша окрещена вмѣсто Софьи или Кутузовой, сказанъ вполнѣ взглядъ XVIII-го в. на кликушъ. По мнѣнію его, это были подлая бабы-обманщицы, выходившія изъ *подлаго народа*. "Между множествомъ обмановъ, говоритъ издатель приведенныхъ сейчасъ разсказовъ, не послѣднее было притворное бѣснованіе, вводимое на себя подлыми бабами и дѣвками, которыя у насъ извѣстны подъ именемъ кликушъ".

Ошеломленный передрягами, закончившими московскую Русь, народъ бѣжалъ въ пустыни сѣвернаго поморья и населялъ ихъ, основывая скиты и пустыни. Въ Выговской пустыни, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, случались частыя зябелы, хлѣбъ не успѣвалъ, и сдѣлался голодъ. Пустынники сѣкли ржаную солому, толкли ее въ муку, и изъ соломенной муки пекли хлѣбы, но хлѣбы въ кучѣ не держались, помяломъ изъ печи пахали властяжныя бураки и коробки, и такой-то хлѣбъ ѣли. Въ это-то страшное время, нравственныя страданія замученныхъ и суевѣрныхъ разразились кликушествомъ. Выговскій лѣтописецъ разсказываетъ, что

"матери, вслѣдствіе бѣсовскаго наученія, начали дѣтей своихъ тайно кормить безъ благословенія, и хлѣбъ красти, и того ради бысть на нихъ попущеніе Божіе, пріимъ діаволь область, нача тѣхъ мучити и на время церковнаго пѣнія въ часовнѣ, и по обѣдѣ, и чиниша мятежь тѣмъ велій, биша бо ихъ о землю, а бывше крикъ отъ того неподобенъ, неподобными бо гласы кричаху...." {Филип. Ист. Выгов. г. Пуст.}. Тѣ же суевѣрія, и тѣ же жестокія нравственныя страданія женщины, идя объ-руку, творили кликушъ по всѣмъ концамъ государству Въ 1715 г., великій государь указалъ: "ежели гдѣ явятся мужеска и женска пола кликуши, то, сихъ имая, приводитъ въ приказы, и *розыскивать* (пытать пыткой), для того, что въ прошломъ 1714 г., мая 7 и 8, въ церкви св. Исаакія Далматскаго, во время св. литургіи, плотничья жена, Варвара Логинова, кричала, будто испорчена, а на допросѣ (подъ пыткой) сказала, что она не испорчена, а кричала притворствомъ, для того, чтобъ отмститъ плотнику Григорью, который билъ ея деверя. *Послѣ этой драки* она кричала дома по дважды и по трижды, а потомъ начала кричать и по церквамъ {П. С. З. 2906.}. По поводу кликушъ, которыя кликали у Исаакія, великій государь публиковалъ указы, и *отъ того времени*, писалъ Татищевъ, *такъ оное пресѣклось, что уже нигдѣ такихъ дьяволовъ не осталось* {Анек., 23.}. Но дьяволы не слышали разглагольствій историка, и продолжали по прежнему выть и кричать: ихъ плодило теперь развивавшееся крѣпостное право.

Въ 1716 г., строжайше велѣно было -- отъ архіереевъ, при посвященіи ихъ, брать обѣщаніе: "притворныхъ, бѣснующихъ, въ колтунахъ, босыхъ и въ рубашкахъ ходящихъ, не точію наказывать, но и гражданскому суду отсылать" {П. С. З., 2986.}. Въ 1718 г., въ Рождественскомъ дѣвичьемъ монастырѣ (у Срѣтенскихъ воротъ), наканунѣ храмоваго праздника, въ церкви, передъ выносомъ евангелія, закликала кликуша. Казначей монастыря велѣла выбросить ее за монастырскіе ворота, но за нея заступилась монахиня Досиѡея, и взяла ее въ свою келью. Кликуша называлась *Марьей Босой*. Тому было лѣтъ тридцать, идучи отъ заутрени, она почувствовала скорбь и изступленіе ума. Послѣ того, ее брали по неправому извѣту въ Преображенскій приказъ, сослали въ вологодскій Горицкій монастырь *подъ началя*, гдѣ она прожила три года, и затѣмъ бѣжала. Къ Марьѣ-Босой, оставшейся жить у Досиѡеи, черезъ годъ присоединилась другая кликуша, Пелагея Ефимова, и старица Евираксія.

Всѣ эти кликуши были въ то же время и раскольницами. Лѣтомъ, 1720 г., Марья-Босая отправилась на богомолье въ Воскресенскій монастырь, и оттуда въ село Козмодемьяновское, гдѣ жилъ кн. Мещерскій. Князь встрѣтилъ кликушъ радушно, и привелъ ихъ въ свою молельню; три раза ударилъ въ стеклянный колоколъ, висѣвшій среди молельни, и началъ служить утреню. Первая застонала *Ирина верижница*. Ее корчило, вскинуло вверхъ и ударило о земь: *невидимая сила* приподнимала ее и била. Подойдя къ кликушѣ, князь грозно взглянулъ на ней, и замахнулся на неѣ четками, - она закричала еще громче; князь ударилъ ее четками по головѣ, по плечамъ, по груди, приговаривая при всякомъ ударѣ: "изыди, нечистый духъ, изыди!" Спустя годъ, всѣ эти кликуши, по доносу, попали въ тайную канцелярію, были подвергнуты пыткамъ, и потомъ разосланы по монастырямъ въ тюрьмы {Есип. Раск. дѣла, II, 189.}. Въ августъ того же 1720 г., вице-губернаторъ Воейковъ выслалъ изъ Москвы въ Петербургъ трехъ кликушъ, дочь харчевника, Авдотью Яковлеву, тихвинской сущевской богадѣльни слѣпую дѣвку Арину Иванову, и мѣщанской слободы купеческую жену Авдотью Акимову. Всѣ они кликали по разнымъ московскимъ церквамъ и монастырямъ, и въ томъ кликаньи взяты подъ карауль. Привели ихъ въ губернскую канцелярію и стали спрашивать. Акимова показала, что она точно въ большомъ Успенскомъ соборѣ кричала нелѣпымъ голосомъ, *лаяла собакою*. Авдотья Яковлева показала, что кликала въ храмѣ Положенія ризы Богородицы, идѣже лежатъ мощи Іоанна Блаженнаго, да у Козьмы и Демьяна въ Нижицхъ Садовникахъ. Слепая дѣвка Иванова каялась, что кликала по разнымъ церквамъ, и что скорбь сія слыветъ *тихая и родимецъ*. Кликушъ стали пытать. По нѣскольку разъ всѣхъ вздергивали на дыбу, вывертывали имъ руки, били ихъ кнутомъ, и потомъ Яковлеву освободили, а остальныхъ сослали на прядильный дворъ {Свѣт., 1861, IV, 24.}. Духовный регламентъ, изданный въ 1721 г., наказывалъ епископу *смотрѣть о кликушахъ* (стр. 22 по 1 изд.); епископъ, посѣщавшій епархію, обязанъ былъ спрашивать, *не обрѣтаются-ли гдѣ кликуши* {Стр. 38.}. Кликуши обрѣтались по всѣмъ городамъ цѣлыми стаями. Въ 1729 году, сотскій и десятскій юромской волости, препровождая въ мезенскую канцелярію скованнаго икотника Салмина, похвалявшагося надъ многими людьми недобрымъ дѣломъ, писали слѣдующее: "Въ нынѣшнемъ 1729 году сего февраля нижеписаннаго числа въ нашей

юромской волости явилось многое число женска полу людей въ икотѣ; въ томъ числѣ въ бугаевской деревнѣ на Олисава, Григорьевой дочери, а Василья Кукина женѣ, и она Олисава *говорить икотою*, и называетъ *батюшкамъ* тояжъ волости Никифора Кирилова Салмина: "Онъ на меня напустилъ икоту въ Верхнеконскомъ ручьѣ, у Чюшева бани, а въ то время онъ ѣхалъ съ сыномъ." Да она же Олисава говоритъ икотою, что-де онъ-же Никифоръ икоту напустилъ на Прокопья Чубарева, на жену его Ѳеклу, Васильеву дочь, да на Матвѣя Меншикова, на жену его Ѳеклу, Григорьеву дочь, да на Ѳеофана Удина, на жену его Евлампію, икоту-жъ съ грыжею, и вышеписанныхъ Олисава называетъ *сестрицами своими*, что-де у нихъ у всѣхъ одинъ батюшко, Никифоръ Салминъ. Да она-жъ Олисава говоритъ, что я по братчинѣ, въ домѣ у Ермолы Ларюкова, оной же Никифоръ икоты напустилъ на Анфима Глотова, да на Дѣяна Салмина, и *по горкамъ икотъ* многое число, *сказываетъ, есть насажено*, и многія послѣ того икоты заговаряютъ; и *сказываетъ* она Олисава, и на Иванѣ Парыгинѣ есть-де икота, весьма тяжело, болѣзненно мучить безпрестанно; -- жена Чубарева въ своемъ домѣ связана, и кричитъ всячески по обычаю, и онаго Никифора имать и вязать и вельми его искать не велитъ. И вышеписаннаго Салмина сыскали въ Заценьской деревнѣ, и свели въ домъ его свой, и отдали за десятскихъ за мірской караулъ, и связали, и говорилъ оной Никифоръ, что-де вы меня вяжите, и меня де вязки держать не будутъ, и въ вязкахъ оной Никифоръ опростался, и ножемъ самъ себя по горлу рѣзалъ, а у караульщиковъ у десятскихъ руки въ кровь подрѣзалъ, а самъ говоритъ: "высѣките и меня спустите, а на муку меня на слободу не возите, тамъ мнѣ смерть будетъ". Да она же Олисава говорила икотою, батюшко-де мой Никифоръ Кириловъ ходитъ въ Кокоры, и велитъ матушку мою заморить, чтобъ икота не говорила, а икота говоритъ: "меня де не заморишь, развѣ-де матушку мою заморишь"; а *батюшко* мой нынѣ каеця, не такъ было сдѣлать, да пособить и самъ не можетъ; а я при батюшкѣ говорить не могу про батюшку, понеже горло завязываетъ и затыкаетъ." Никифора заковали въ кандалы, и выслали за карауломъ въ мезенскую канцелярію, для объявленія воеводѣ Тимашеву. Въ то же время священники, выборные и мірскіе люди юромской волости, послали новое донесеніе, что *невѣстка священника* Ѳеодора, Агриппина, которая имѣетъ за собою икотную тяжкую напущенную болѣзнь, *батюшкамъ* называетъ другого икотника

Осипа Салмина, Кириллова брата, а крестьянская жена Евдокія Окулова называетъ своею *матушкою* Софью Сергѣеву, жену Никифора Салмина, понеже она Софья икоту напускать умѣетъ; -- дѣвочка Татьяна Салмина говорила: "Пришла она въ великій ноетъ на первой недѣли въ домъ къ Осипу Салмину по дерево, на которомъ правятъ скотинные сырые тяжи, и она Татьяна говорила; "гдѣ-де Давыдко? Надобно-де отцу моему тюневое дерево". И онъ Осипъ въ то время ее бранилъ всячески, и проикалъ на ней изо рта своего водою, а послѣ того и достальную остаточную воду вылила на ней *на отмашь*, и съ того времени у ней дѣвки появилась напущенная отъ него Осина болѣзнь". Далѣе икотницы рассказывали, что еще намѣтано и насажено икотныхъ болѣзней по улицамъ и по дорогамъ "*въ каждахъ мѣстѣхъ*", тако-жъ и по деревнямъ и по прясламъ многое число". А поэтому челобитчики и просили: "дабы е. и. в. указомъ и по соборному уложенію онымъ икотникамъ Салминымъ, и Никифора женѣ Софіи, повелѣно было указъ учинить, чего они достойны, понеже оные икотники явились къ намъ нижеименованнымъ и по всему міру страшнѣе и злѣе воровъ и разбойниковъ, которые мужеска и женска полу людей изгубили уже 74 человекъ". Обвиненные Салмины посажены были въ тюрьму; но, пользуясь темнотою ночи, бѣжали, и не были отысканы.

Въ слѣдующемъ 1730 году, по словамъ *икотницы-говорухи*, обвинены были въ икотномъ дѣлѣ новыя лица юромской-же волости, и также отосланы на Мезень. Въ томъ-же году вновь заболѣло икотою 158 человекъ, слѣдовательно всего съ прежними больныхъ икотою считалось 232 человекъ. Между ними: *замужнихъ женщинъ* 116, вдовъ 5, *малолѣтнихъ* и взрослыхъ дѣвушекъ 26, женатыхъ мужчинъ и мальчиковъ 84 {Дѣло Арх. губ. канц. Но 623.}. Тоже было и по другимъ городамъ всей сѣверо-восточной Россіи. "Можетъ-де понятно быть -- говорить указъ 1737 года -- какіе въ прошедшихъ лѣтахъ являлись кликуши, и что противъ нихъ изданы указы, да и въ Духовномъ регламентѣ о нихъ велѣно было смотрѣть епископамъ, которые должны были дважды въ годъ доносить начальству, все-ли у нихъ добре; но если бы они извѣстили, что все добре, а между тѣмъ оказались бы суевѣрія, то епископа звать въ судъ и подвергать наказанію. Но нынѣ ея ими. велич. сомнѣніе имѣетъ, едва-ли тѣ указы и регламентъ надежнымъ образомъ исполняются, ибо здѣсь извѣстно учинилось, что въ Москвѣ являются по церквамъ и монастырямъ кликуши, которымъ въ той

притворной шалости свобода дается, а *сверхъ того надъ ними и молитвы отправляются*. А потому е. и. в. разсудила духовному синоду наикрѣпчайше подтвердить о предупрежденіи такихъ суевѣрій, и если являются гдѣ кликуши и притворноуродцы и босые, также и съ колтунами, и прочее, то объ нихъ узнавать и доносить архіереямъ, а архіереи и прочія власти должны безъ всякаго отлагательства отсылать этихъ людей въ свѣтскія команды, а которые не донесутъ, извергать сана непременно {П. С. З. 7,490.}

Итакъ, вся отвѣтственность за кликушъ возлагалась на синодъ и духовенство; но въ 1765 году синодъ передавалъ эту отвѣтственность сенату, и просилъ у него распоряженій о неослабномъ наблюденіи за кликушами. Въ 1762 году кликуши появляются въ Ростовѣ; въ 1769 году въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ {П. 11,618.}. Въ указѣ 1766 года мы узнаемъ, что, кромѣ прежде присланныхъ въ переяславскую провинціальную канцелярію двухъ женокъ, выкликавшихъ на ямщикову жену Ѳедору Иванову, въ это время въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ было десять ямщицкихъ жень, которыя въ церкви кликали, и за это были высѣчены плетьюми. Указъ 1770 года рассказываетъ, что въ Яренскомъ уѣздѣ нѣсколько безпутныхъ дѣвокъ, притворясь испорченными, выкликали на восемь мужчинъ и женщинъ печерской и устенской волостей, называя мужчинъ *батюшками*, а женщинъ *матушками*. Сосѣди, услыша о томъ, собрались и приступили къ обвиненнымъ въ порчѣ дѣвушекъ, съ угрозами, чтобы признались добровольно, потомъ пришли сотскіе, *стали стѣчь ихъ и мучать*. И сіи, совсѣмъ невинные, не стерпя побой, а притомъ опасаясь не только горшаго себѣ жребія, но и самой пытки въ городѣ, которою имъ угрожали, объявили себя чародѣями. Не смотря на признаніе, они все-таки представлены были въ городъ, и тамъ *подъ плетьюми были допрашиваемы*, и, убоясь отъ разнорѣчія конечной себѣ гибели, прежнія свои показанія подтвердили. Дѣло объ нихъ сначала производилось въ яренской воеводской канцеляріи, а потомъ перешло въ великоустюжскую духовную консисторію, и оба эти судилища обвинили судимыхъ крестьянъ *въ чародѣйствѣ и посредствомъ онаго въ порчь людей*. Дѣло дошло до сената. Съ сожалѣніемъ выслушавъ это дѣло, сенатъ нашель, 1) что подсудимые были подвергнуты напрасному истязанію, ибо ихъ признаніе въ чародѣйствѣ было вынуждено плетьюми и страхомъ. 2) Невѣжество судей, которые

повѣрили чудовищному народному преданію, яко-бы порча людей производится посредствомъ пуцаемыхъ на вѣтеръ, даваемыхъ *яко-бы отъ діавола*, червяковъ, и что оныя на вѣтеръ пуцаемые червяки входятъ въ тѣло тѣхъ, которые изъ двора выходили, не помолясь Богу, и *не проговоря Иисусовой молитвы* (молитва эта приведена выше). 3) Дьявольскіе червяки, присланные за казенною печатью (!), оказались обыкновенными мухами, которыхъ одна изъ подсудимыхъ наловила и высушила, чтобы удовлетворить судей, а себя избавить отъ истязанія. Поэтому сенатъ опредѣлил: обвиненныхъ отпустить, воеводу отрѣшить, сотскихъ и десятскихъ наказать батожемъ, а кликушъ высѣчь плетью. Положено-ли было какое наказаніе на *духовную* консисторію, того изъ указа не видно {П. С. 3, 13497.}. Но въ 1774 году снова приказывали сотскимъ и десятскимъ наблюдать, чтобъ въ селеніяхъ не были терпимы кликуши и волшебники {Пб. 14221, 2.}. Въ 1785 году Веніаминъ, епископъ архангельскій и холмогорскій, доносилъ въ архангельское намѣстническое правленіе, что, вслѣдствіе указа 1737 года, доставлена священниками изъ пинегскаго округа вѣдомость о кликушахъ, коихъ оказалось 19-ть человекъ, и подъ ихъ именами подписано, *что именно и какъ кричатъ, и кликушество свое производятъ*.

"Оныя именованныя женщины кричатъ необычно во время хожденія со крестомъ, и со святыми водами, а *наипаче* во время кажденія, и въ прочія времена, когда оныя кликуши начнутъ мучить, иногда иныя бываютъ безъ памяти, и ударяютъ сами себя, и за волосы терзаютъ, и сквернословятся всячески." Этотъ рапортъ священниковъ доставленъ былъ синоду, съ увѣдомленіемъ, что и въ другихъ приходахъ въ томъ же пинегскомъ и мезенскомъ округахъ имѣются кликуши. Синодъ на это донесеніе отвѣчалъ, "что какъ по высочайшему о губерніяхъ 1775 года ноября 7-го дня учрежденію, 399 статьи, таковыя дѣла относятся къ разсмотрѣнію совѣстнаго суда, то, на основаніи сего, и сообщить изъ консисторіи въ архангельское намѣстническое правленіе о поступленіи съ ними по законамъ. Но, передавая это дѣло къ намѣстнику, Веніаминъ прибавлялъ, что онъ много разсуждалъ о кликушахъ, и оказалось, что "сіе кликушество есть икота, тако-жъ и стрѣлы есть *не колдовство*", но натуральная болѣзнь, и происходитъ не отъ воды-ли, въ самомъ дѣлѣ нечистой, и производящей въ человекъ червя? И потому не подлежитъ-ли симъ людямъ, икотою и

стрѣлами страждущимъ, изобрѣвъ истинную причину, подать прежде средствъ къ избѣжанію и излеченію тѣхъ болѣзней, нежели издать ихъ, какъ преступниковъ {Пам. кн. Арх. губ. 1867 г. 83--4.}."

Можетъ быть только и былъ одинъ Веніаминъ, который такъ думалъ, а потому и наступившей ХІХ-й вѣкъ продолжалъ плодить кликушъ по прежнему. Къ началу этого вѣка относится одно подробнѣйшее изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ описаній кликушъ. Мы не разъ встрѣчали кликушъ, жившихъ тогда среди раскольниковъ, и являвшихся защитницами раскола, его пророчицами; теперь же, среди православнаго населенія, кликуши являются врагами раскола, существами, призванными *на посрамленіе раскольниковъ*. Воскресенскаго горицкаго дѣвичьяго монастыря игуменья Маврикія доносила, отъ 3-го октября 1815 года, благочинному отцу игумену Теофану о совершившемся въ ея монастырѣ исцѣленіи послушницы Матроны. Изъ донесенія видно, чтобъ монастырѣ жили двѣ порченныя: жена штатнаго служителя *Ксенія, мучимая бѣсомъ*, и послушница *Матрона* изъ Череповца, *порченная*. Для Ксеніи, по приказанію игуменіи, мужъ ея принесъ земли изъ монастырской часовни. Только-что онъ вошелъ съ землею, больная точно *къмъ* была сброшена на полъ, и говорила, что она лежала *на могилахъ*. Какъ только заговорили, что ей надобно жить въ монастырѣ, она вдругъ укусила у себя руки до крови, и начала *лаять по собачьи*, и кричать: *спѣтъ, не пойду! на смерть дано!* Монахини твердятъ ей: "да возьмутъ, будешь жить". Она: "нѣтъ, нѣтъ"! На другой день Ксенія кричала въ херувимскую. На третій день пошли всѣ въ часовню служить панихиду, и когда дьяконъ сталъ читать о прощеніи грѣховъ, Матрона вскрикнула: "чего ужъ! и такъ всё святые"! Ксеніи стали подносить кутью, и эта закричала, и *едва какъ пропуститъ могла*, а Матрона, лежа на полу, стала кричать: "прославятся преподобныя, прославятся! Уліянія, Улія, Анна, Анна!"-- "На посрамленіе раскольниковъ! Прославятся Анна и Улія"! Монахини допрашиваютъ: "да ктожь онѣ были"? Она отвѣчаетъ: "послушницы, послушницы"! Монахини на колѣняхъ со слезами просятъ Бога, чтобъ имъ было извѣщеніе (отъ дьявола?), а Матрона, кружась, стелая и визжа, рассказываетъ, что это были утопшія, а утопилъ ихъ царь Иванъ Грозный, и положены онѣ, одна подъ поломъ, а другая подалъ, подъ дверьми, и что на этомъ мѣстѣ церковь будетъ во имя Святые Троицы, и много будетъ исцѣленій, и не этакая обитель будетъ, а

большая, большая. Одна изъ монахинь спрашиваетъ ее: "Парасковію перестанетъ ли врагъ на меня смущать"? Она отвѣчаетъ: "*дура, безе этого обитель не стоитъ*"! Далѣе, вынуждаемая допросами монахинь, кликуша разказываетъ, что преподобныхъ звали, рождественскую Уліей, а Никольскую Анной, что потоплены мая въ послѣднее число, явились на третій день, когда принесло ихъ съ перевозу, въ рукахъ у нихъ горѣли свѣчи; Улія 25-ти лѣтъ, изъ-черна, волосы долгіе; у Анны, 30-ти лѣтъ, волосы побѣлѣе и короче; обѣ бѣлицы, скончались 200 лѣтъ назадъ, а потоплены были Грознымъ за то, что не отдали ему подобающей чести, -- штатный подвель! Обѣихъ кликушъ оставляютъ на ночь въ часовнѣ. Матрона признается, что у ней обѣщаніе было каждый день служить молебень съ акаѳистомъ, а она *маленькій* отслужила. На четвертый день за обѣдней, ее ломаетъ; пять человекъ несутъ ее въ часовню, а она бьется, и, отвѣчая на вопросы, даетъ новыя свидѣтельства объ открытіи мощей. На пятый день монахини *стыдятъ діавола*, а она все кричитъ, да рветъ волосы, и въ такое содроганіе приводитъ всѣхъ, что діаконъ отъ слезъ не можетъ говорить эктенію, а крылосскія иныя пѣть не въ силахъ. Кормятъ ее антидоромъ, поятъ и кропятъ святой водой, несутъ опять въ часовню: а у ней страшно разтворяется ротъ, она харкаетъ, какъ будто понуждаемая къ рвотѣ, дважды плюетъ, и, прибавляетъ донесеніе, *видѣли многія на подобіе пара къ полу изо рта вышедшій дымокъ* (т. е. дьявола), и затѣмъ кликуша исцѣлѣла {Маякъ 1846, No 22.}. Въ 1815 г. въ Поморьи, одного крестьянина за напусканіе икоты наказываютъ 55-ю ударами кнута, и отдаютъ церковному публичному покаянію {Пам. кн. Арх. губ. 1864, 87.}. Изъ свѣдѣній, собранныхъ въ исторіи министерства внутреннихъ дѣлъ видно, что въ 1826 г., въ Орловской губ. 33 человекъ обоого пола, одержимые истерическими припадками, рвали на себѣ въ безпамятствѣ платье, кричати съ плачемъ и дѣлали усиленныя движенія. Мѣстный врачъ приписывалъ эти припадки купанью въ рѣкѣ, въ которую нанесено было вѣтромъ много извести, и извѣсть, входя при купаньи во всасывающіе сосуды, производила сильную боль; но медицинскій совѣтъ отвергъ эту причину {Стр. 104.}. Въ 1827 г., въ одной деревнѣ Рязанской губ., открыто 60 человекъ кликушъ, изъ которыхъ многія страдали 10, 15 и 20 лѣтъ. Членъ мѣстной управы призналъ припадки эти притворными {Стр. 161.}. Въ 1843 году появились кликуши въ Подольскомъ уѣздѣ Московской губ. Министерство, считая бѣснованіе

кликунъ притворствомъ и обманомъ, предписало принимать противъ нихъ полицейскія мѣры, подвергая ихъ негласно легкому тѣлесному наказанію, или содержанію непродолжительное время подъ стражею {Стр. 101.}. Къ исторіи кликушъ 40-хъ годовъ историкъ вынужденъ отнести издававшійся тогда *Маякъ*, журналъ современнаго просвѣщенія, *въ духъ русской народности*. Журналъ этотъ, собравъ около себя все, что только было *нечистаго*, таившагося въ извѣстныхъ слояхъ русскаго общества, защищалъ западный XV-й вѣкъ, сжигавшій вѣдьмъ, которыя, по его словамъ, *имѣли преступное сообщеніе съ духами* {Кн. XXXV, V, 68.}, училъ, "что есть злые люди, которые, предавши себя сатанѣ, могутъ причинять людямъ ужасныя бѣдствія, -- могутъ *портить людей*", и что "удивительно ли, что живая непоколебимая вѣра нашихъ простолюдиновъ, дѣлая ихъ крѣпкими со стороны нравственной, заставляетъ искусителя преимущественно обращать вниманіе на ихъ физическую сторону" {Кн. XXXI, III, 22--26.}; что "при разрозненности фактовъ, проявляемыхъ бѣсами, достаточно одной самой пошлой, но ловкой насмѣшки, чтобъ ею многихъ отвратить отъ справедливой вѣры въ бытіе бѣсовъ, а чрезъ то и отъ вѣры въ Бога" {Кн. XXXV, V, 84.}; и что, наконецъ, "слуги и совѣтники князя сатаны, мыслители и поэты, право стоятъ всякаго колдуна" {Кн. XXXI, III, 25.}. Наслѣдникомъ и проповѣдникомъ подобныхъ ученій явился въ 50-хъ годахъ новый журналъ, *Домашняя Бесѣда*, нажившій, какъ говорятъ, большія деньги за разсказъ о бѣсахъ и кликушахъ. Оба эти журнала радостно вносили на свои страницы цѣлыя ряды извѣстій о кликушахъ 1840--1860 годовъ, о кликушахъ, знаменующихъ яко-бы продолжающееся еще *спасеніе чловѣка*.

12 апрѣля 1861 г. однодворцы букрѣвскаго хутора съ старостой подали въ павлоградскій земскій судъ объявленіе, что у нихъ въ хуторѣ, на людяхъ, съ недавняго времени появилась болѣзнь, отъ которой заболѣвающіе падаютъ безъ чувствъ на землю, хохочутъ, плачутъ, *лаютъ по собачьи*, кукукаютъ по птичьи, и они просили сдѣлать распоряженіе объ открытіи причинъ болѣзни, и тѣмъ успокоить ихъ, ибо они подозрѣваютъ въ порчѣ людей проживающую въ ихъ хуторѣ женщину Федосью Букрѣву. Объявленіе, вмѣсто неграмотныхъ однодворцевъ, подписалъ духовный ихъ отецъ, священникъ Венедиктъ Донцовъ. Началось слѣдствіе, и, по требованію екатеринославской уголовной палаты, врачебная управа

дала слѣдующее заключеніе: 1) Припадки, замѣченные въ больныхъ, называемыхъ кликушами, есть слѣдствіе истерической болѣзни. 2) Подвергаются истерикѣ женщины полнокровныя, страстныя, нервнаго темперамента, къ чему способствуетъ также наследственное расположеніе отъ матери, и что взглядъ на больныхъ истерическихъ возбуждаетъ и въ другихъ здоровыхъ женщинахъ приступъ истерическихъ припадковъ. Екатеринославская уголовная палата, въ качествѣ совѣстнаго суда, опредѣлила: "всѣ обвиненныя подлежатъ не наказанію за свои заблужденія, а надлежащему вразумленію, могущему разсѣять эти заблужденія." Можно было думать, что это были послѣднія извѣстія о кликушахъ,-- но, въ Уложеніи о наказаніяхъ оставалась еще 937 ст., и вотъ, на основаніи ея, совершается теперь нѣчто неслыханное со временъ Петра: кликушъ судятъ въ залахъ новаго суда! Къ ужасу нашему, мы встрѣчаемъ здѣсь *волостною старшину*, который, одержимый яростью преслѣдованія пороковъ, тащитъ кликушъ въ полицію,-- видимъ врачей, которые раздѣваютъ и осматриваютъ этихъ бабъ, и приходятъ къ тому, что они находятся въ *нормальномъ положеніи*, и не больше ни меньше, какъ обманщицы, и затѣмъ товарищъ прокурора доказываетъ, что эти бабы *злонамеренныя*, и судъ, обвинивъ ихъ виновными въ *злостномъ обманѣ*, присуждаетъ къ заключенію въ смирительномъ домѣ... Вотъ это дикое дѣло, какъ будто вновь вышедшее изъ могилъ XVI--XVII вѣковъ!.... Такъ какъ изложеніе этого дѣла есть историческій *документъ*, объясняющій уровень понятій нашего времени, то мы и приведемъ изъ него извлеченія. Въ No 100 газеты "Москва" помѣщено слѣдующее описаніе засѣданія окружнаго суда.

31-го іюля, въ московскомъ окружномъ судѣ, разсматривалось дѣло о кликушахъ, привлечшее въ залъ засѣданія многочисленную публику. Приступивъ къ разсмотрѣнію этого дѣла, судъ не могъ продолжать засѣданіе, такъ какъ съ одною изъ подсудимыхъ, Ириной Васильевой, сдѣлался припадокъ кликушества, и она удалена была изъ залы засѣданія до тѣхъ поръ, пока успокоилась, послѣ чего прерванное засѣданіе продолжалось вновь.

Сущность обвинительнаго акта заключается въ слѣдующемъ: 19-го мая 1867 года, астафьевскій волостной старшина донесъ подольскому уѣздному полицейскому управленію, что въ деревнѣ Бяконтовой, Подольскаго уѣзда,

появились такъ-называемыя кликуши изъ крестьянокъ той деревни: Ирина Васильева, Дарья Ѳедорова, Ѳедосья Ѳедорова и деревни Сыровой Матрена Уарова, которыя во время припадковъ указываютъ, что ихъ испортилъ односельный крестьянинъ Родіонъ Алексѣевъ, и этимъ наводятъ страхъ на всѣхъ крестьянъ деревни Бяконтовой.

Обвиняемыя при дознаніи и предварительномъ слѣдствіи объяснили, что онѣ увѣрены, что ихъ испортилъ Родіонъ Алексѣевъ, потому, что когда они увидятъ его, или онъ находится вблизи ихъ, то съ ними дѣлается дурно и они начинаютъ кричать: "Родька проклятый, мучитель"! Дарья Ѳедорова показала, что ей снился сонъ, будто кто-то говорилъ ей: "надо выгнать изъ селенія Родіона Алексѣева, потомъ принести изъ села Стрѣлкова икону чудотворца Николая, отслужить ему съ водосвятиемъ молебень, обойдти съ иконами вокругъ деревни, а потомъ всѣмъ жителямъ деревни Бяконтовой, вмѣстѣ съ дѣтьми, выкупаться въ рѣкѣ, тогда все нечистое въ деревнѣ прекратится". По словамъ Матрены Уаровой, ей представляются черти, когда она увидитъ Родіона Алексѣева, который одинъ разъ на дорогѣ выпускалъ изъ своего рта чертей, и черти заграждали ей дорогу. Обвиняемыя съ Алексѣевымъ никогда въ ссорѣ не были. Припадки бывають съ ними не произвольно и не изъ притворства. Два врача, свидѣтельствовавшіе обвиняемыхъ, не нашли въ ихъ организмахъ такихъ болѣзненныхъ уклоненій, съ которыми можно было бы поставить въ прямую связь тѣ припадки, коими будто бы они страдаютъ; врачи признали припадки эти притворными.

На основаніи сего товарищъ прокурора обвинялъ подсудимыхъ въ кликушествѣ, -- въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 937 ст. улож. о нак.

Отвѣтъ подсудимыхъ на вопросъ предсѣдателя о виновности ихъ былъ: "мы сами не знаемъ, что надъ нами случается."

По окончаніи преній, судъ постановилъ четыре одинаковыхъ вопроса: виновна ли подсудимая, называемая кликушей, въ томъ, что сдѣлала, съ цѣлію злостнаго обмана, извѣтъ на крестьянина Родіона Алексѣева, будто бы онъ, посредствомъ чародѣйства, причинилъ ей, Васильевой, зло?

Послѣ непродолжительнаго совѣщанія, судъ объявилъ слѣдующую резолюцію: подсудимыхъ, называемыхъ кликушами, Ирину Васильеву, 50 лѣтъ, Дарью Ѳедорову, 49 лѣтъ, Ѳедосью Ѳедорову, 27 лѣтъ, и Матрену

Уарову, 25 лѣтъ, признавъ виновными въ томъ, что сдѣлали, съ цѣлію злостнаго обмана, извѣтъ на крестьянина Григорія Алексѣева, будто бы онъ, посредствомъ чародѣйства, причинилъ имъ зло, на основ. 135 и 937 ст. ул. о нак., заключить въ смирительный домъ на два мѣсяца.

Въ настоящія минуты, переживаемыя русскимъ народомъ, кликушество распространено въ Россіи слѣдующимъ образомъ. Въ Малороссіи его нѣтъ, его и не знаютъ, и если оно является тамъ, напр. въ Кіевѣ, то заносное съ сѣверо-востока. Такъ въ Курскѣ, въ 9-ю пятницу приводятъ множество кликушъ, которыя кричатъ неистовыми голосами {Авдѣева, Зап. 65.}. Тоже въ Воронежѣ, въ праздникъ св. Митрофанія. Затѣмъ по всему сѣверо-востоку кликушъ встрѣтишь во всѣхъ монастыряхъ и церквахъ, гдѣ есть особенная святыня, мощи, или чудотворная икона. Порченыхъ множество въ Тверской губ., въ уѣздахъ Колязинскомъ, Старицкомъ, Ржевскомъ и Весьегонскомъ, а также въ нѣкоторыхъ уѣздахъ губерній Ярославской и Владимірской {Новг. губ. вѣд. 1861, 6.}. Наконецъ, женское населеніе громаднаго пространства земли, прилегающей къ сѣверному Поморью, почти все заражено *икотой* {Харит. Врачев. 17. Этн. Оч. Чердыни, 50.}.

-- Отчего ты такой блѣдный, хозяинъ? спрашиваютъ у крестьянина на Мезени.

-- Икота долить.

-- И у васъ она водится, какъ на Пинегѣ?

-- Въ какомъ мѣстѣ злого *человѣка* нѣту, самъ разсуди! Нагонить онъ на тебя скорбь какую, и вѣдайся съ ней, и долить она тебя и мучаетъ. Вотъ подойдетъ она къ сердечушку-то, и начнетъ глотать его, что и свѣтъ-отъ въ глазахъ помутится. Ругаешься на ту пору самыми негодными словами, и всякими звѣриными голосами заговорить въ тебѣ нечистой....

Въ избѣ слышится, то лай собаки, то плачь грудного младенца, то густой хриплый басъ, то глубокіе, глубокіе вздохи, сопровождаемые судорожной сильной икотой -- то дѣвка-икотница: сто бѣсовъ у ней животы гложутъ. Возили ее къ отцу Андрею, что отчитываетъ, -- не помогъ. Зовутъ ее Аннушкой. Аннушка любила Петра, и хорошо имъ было жить, пока не

вмѣшался въ ихъ любовь Борька. Явилась разладица, нравственныя страданія, между тѣмъ, *дѣвку постегали*, а милый ушелъ.

-- Дѣвку-то мы постегали. Я ужъ про это и сказывать не стану, не хорошо. Собрались къ ней въ избу бабы, стали выть, а того не знаютъ, что Анюткѣ-то все это крѣпко на руку. Молчитъ она въ углу, трепаная такая, волосевъ не прибираетъ, и сидитъ подъ образомъ....

-- Что-де, молъ, родненькая наша? больно? Которые, молъ, стегали-то? Ты, молъ, Аннушка, наплюй, коли сможешь. Ишь дѣло какое -- дѣвку сѣчь задумали, -- это и бабѣ нейдетъ. Такъ на слова-то на эти въ горлышкѣ-то у ней, сердобольной, ино крякнуло, что и грудь ходуномъ начала ходить, заревѣла, что прыснула, и закликала {Макс. "Годъ на Сѣверѣ", 6, 488 и др.}....

Крестьянинъ пинежскаго уѣзда рассказывалъ: "Въ нашей деревнѣ 46 дворовъ, икота есть почти у всѣхъ жонокъ; у двухъ мужиковъ была и у двухъ дѣвокъ, у мальчиковъ не видали ни у кого. У снохи, у сваты, у матери, у каждой жонки есть; у меня только сердце заѣдаетъ, ажно мнѣ тошно, грызмя грызетъ, териленья нѣтъ, какъ она тамъ грызетъ его; ходитъ въ руку или въ ногу, или въ колѣно и бьется, какъ рыбка (*boule hystérique*); сама, какъ горбышокъ, синя,хватишь, такъ и бьется..." Крестьянинъ вашкарской волости, находящейся въ 4-хъ верстахъ отъ Холмогоръ, говорилъ: "Лѣтъ 20 тому назадъ у насъ ее (икоты) вовсе не было, а *теперь* съ каждымъ днемъ увеличивается: *теперь* больныхъ въ нашей волости 30 человекъ -- перешла отъ мезенцовъ {Пам. кн. Арх. губ. 1864. 87--93.}..."

IV.

Что-жъ такое кликуша? Покойный Шевыревъ, внеся кликушъ въ свою исторію русской словесности, объяснялъ ихъ нравственныя пытки *приливомъ религіознаго чувства* {Св. ниже.}. Другіе объясняютъ ихъ тѣмъ, что это обдуманый обманъ, что женщина, не находя себѣ вѣры въ грубомъ обществѣ, должна завоевывать себѣ лучшую долю, пугая и суевѣрнаго мужа, и суевѣрное общество {Ив. Некрас. Филол. Зап. 1864, III, 109.}.

Кликуши выходятъ изъ крестьянокъ, только изъ крестьянокъ, слишкомъ рѣдко изъ мѣщанъ, и никогда изъ другихъ сословій. Грубѣе ли крестьянка другой женщины? Больше ли въ ней изувѣрства, чѣмъ,

напримѣръ, въ купчихѣ, или купчихѣ-раскольницѣ? Мы думаемъ, что она менѣе груба и совсѣмъ лишена изувѣрства (особливо въ молодости), и становится кликушей оттого, что она *здорова* душой и сердцемъ, оттого, что способна глубоко чувствовать нравственныя страданія. Не въ силахъ будучи перенести нравственныя оскорбленія, она надламывается, и, среди окружающихъ ее дикихъ суевѣрій, становится кликушею. Жить бы ей да жить, да родить здоровыхъ гражданъ русской земли, а она *кличетъ*, а болѣзнь эта, по свидѣтельству медицины, отзывается на дальнихъ поколѣнїяхъ {"Истерика матерей съ одной стороны переходитъ на ихъ дѣтей, а съ другой, соединяясь съ разстройствомъ интеллектуальной сферы, и переходя иногда въ тупоуміе, передаетъ новой генераціи эти психическіе недостатки." Моск. Медиц. Газ. 1860. No 25--32.}. Прекрасная перспектива будущаго!...

Кликушество поэтому является, прежде всего, выраженіемъ нравственныхъ страданій, преслѣдующихъ здоровую природу русской крестьянки.

Кликушами очень рѣдко бываютъ старухи, рѣдко дѣвицы, все больше молодыя женщины. Въ свадебныхъ пѣсняхъ, носящихъ краснорѣчивое имя, *заплачекъ*, постоянно поется о горѣ, затаенномъ, глубоко разрывающемъ душу:

Горе ли ты мое, горе,

Горюшко великое,

Никому ты, мое горе,

Никому не извѣстно,

Призакрѣто мое горе

Бѣлой моей грудью,

Запечатано мое горе

Все кровями ¹⁾.

¹⁾ Перм. Сб. II.

Мужъ деревенской женщины, если жизнь его надломлена, -- это звѣрь и тиранъ. Жена терпитъ отъ него страшно, -- терпитъ даже отъ мертваго, если онъ колдовалъ. Чуть настанетъ ночь, онъ и лезетъ къ ней, пока не приколятъ его въ могилѣ. Даже тѣ люди, которые лечатъ отъ кликушества розгами, и тѣ согласны, что болѣзнь эта таится въ горькой участи женщины. "Иная молодая бабенка -- говорятъ они -- живетъ въ совершенномъ загонѣ, мужъ бьетъ, никто ее въ домѣ не любитъ, за всякую малость всѣ ее только ругаютъ и колотятъ, негдѣ бѣдняжкѣ ни сѣсть, ни лечь, и она рыдая, рыдая, начинаетъ кликать" {Тул. Г. Вѣд. 1841, 41, 42.}. Это-то горе, *призакрытое грудью*, эти-то страданья сердца, высказывались въ тѣхъ причитаньяхъ или заговорахъ, которыми женщина думала улучшить свою участь. Здѣсь вы сыщите заговоры *на укрощеніе гнѣва родимой матушки*, -- *на укрощеніе злобныхъ сердець*, заговоръ родимой матушки *въ наносной тоскѣ*, красной дѣвицы *отъ тоски*, заговоръ на остуду между молодцомъ и дѣвицей, и т. д. Вторая причина кликушества -- колдовство, т. е. отрава данная женщинѣ. Съ упадкомъ соціальной жизни народа исковеркались въ ней и всѣ лучшія человѣческія отношенія. Любовь человѣка къ человѣку явилась опутанною отвратительнымъ колдовствомъ, совершеннымъ во имя сатаны, почитаемаго, величаемаго почетнымъ именемъ Сатаны Сатановича. Такъ въ Перми любовь бываетъ двоякая, *сглядная* и *притяжная*. Первая -- это любовь взаимная, вторая невольная, навязываемая наговорами, отъ которыхъ молодець или дѣвушка начинаютъ тосковать *тоской по сердцу*, *глухой тоской*.

Въ 1750 году, сержантъ Тулубьевъ, желая привлечь къ себѣ дочь разночинки, Ирину Тверитину, жившую въ Тюмени, "обрѣзавъ, взялъ хлѣба печенаго ломоть, и увелъ ее съ собою одное въ баню, и, совокупя къ тому хлѣбу воскъ, печину, соль, голосовъ по части, и, обтирая съ себя тѣмъ хлѣбомъ въ банѣ потъ такимъ образомъ: на-перво съ правой руки, а потомъ съ лѣвой ноги, и скоблилъ съ ногъ своихъ ножемъ кожу, и взялъ съ парнаго вѣника три листа, и снималъ тотъ хлѣбъ въ одно мѣсто съ печиною, воскомъ, солью, волосами, со скобленною съ ногъ кожею, и съ парнаго вѣника листемъ, и сдѣлалъ колобокъ, и послѣ того въ той же банѣ изъ нея же женки Ирины такимъ же образомъ потъ особливимъ хлѣбомъ отиралъ, и снималъ по вышеписанному, -- и вышедъ изъ бани, на оныя колобки смотря въ имѣвшуюся у него книгу, которую носилъ при себѣ сокровенно,

невѣдомо, что шепталъ, а куды оныя съ волшебствомъ хлѣбныя колобки употребилъ, того она, Ирина, не знаетъ {Этн. Сб. VI, 141.}. Въ книгѣ онъ, безъ сомнѣнія, читалъ заговоръ, какъ *приворожитъ дѣвку*, въ родѣ слѣдующаго, записаннаго въ одной изъ позднѣйшихъ рукописей: "истопи баню жарко, и взойди въ нее; когда взопрѣешь, возьми чистую тряпицу, сотри потъ, и выжми тряпицу на пряникъ. Когда станешь потъ стирать, тогда глаголи *трижды* сей заговоръ: "На морѣ на-кіанѣ, на островѣ на Буянѣ, стояло древо, на томъ древѣ сидѣло семдесятъ какъ одна птица, эти птицы щипали вѣти, эти вѣти бросали на землю, эти вѣти подбирали бѣси, а приносили къ Сатанѣ Сатановичу. "Ужъ ты, худъ бѣсь! И кланяюсь я тебѣ и покланяюсь, -- сослужи ты мнѣ службу, и сдѣлай дружбу: зажги сердце (имрекъ) по мнѣ (имрекъ), и зажги всѣ печени и легкое, и всѣ суставы по мнѣ (имрекъ). Будь мое слово крѣпко, крѣпче всѣхъ булатовъ во вѣки!" Вели пряникъ съѣсть {Лѣт. Русс. Литер. IV. 75.}. Изъ дѣла с.-петербургской канцеляріи тайныхъ и розыскныхъ дѣлъ видно, что въ заговорѣ на разожженіе сердца у дѣвицы обращались "къ толстой бабѣ, къ *сатаниной угодницѣ*": "встану *не* благословясь, пойду *не* перекрестясь въ чистое поле. Въ чистомъ полѣ стоитъ терновъ кустъ, а въ томъ кустѣ сидитъ толстая баба, сатанина угодница. Поклонюсь я тебѣ, толстой бабѣ, сатаниной угодницѣ, и отступлюсь отъ отца и матери, отъ роду и племени. Поди, толстая баба, разожги у красной дѣвицы сердце по мнѣ, рабѣ-имярекъ" {Пам. кн. Арх. губ. 1864, 17.}. Все это заговоры позднѣйшіе, такъ сказать выдохшіеся; но чтобъ представить себѣ заговоръ во всей его колдовской силѣ, нужно перенестись въ XVII--XVIII вѣкъ, въ самый разгаръ колдовства, и прочесть хоть любовное заклятіе, взятое изъ слѣдственнаго дѣла 1769 года {Лѣт. русс. лит. VI, 59--60.}. Подобныя заговоры и заклинанія, съ цѣлію привлечь любовь, называются *отсушками*; отвлечь отъ любви -- *отстудю*, *отворотомъ* {Гуг. Этн. Оч. Сиб. 70.}. Кромѣ заклинаній прибѣгаютъ къ силѣ кореньевъ и травъ, хорошо извѣстныхъ всякому сельскому жителю, а тѣмъ паче спеціалистамъ этого дѣла. Для испытанія вѣрности жены нужно найти траву, которая называется *ряска*, растетъ кустиками, маленька, синенька, по землѣ разстилается; нашедши этой травы, положить стебель ея женѣ въ головы, и жена все скажетъ, что бывало, съ кѣмъ живала, и съ кѣмъ мыслить, *а положи не просто* {Харит. Этн. Оч. Черд. 153.}. Въ другомъ травникѣ записано: "есть трава *кукуша*, растетъ по берегамъ, сама синя; а

оная трава въ персть, а листочки долгонькіе, что язычки, а корень на двое, одинъ мужъ, а другой жена. Когда мужъ жену не любитъ, дай пить женочкѣ, а жена мужа не любитъ -- дай нить мужичку, станетъ любить женочка. Женочка (корень) смугла, а мужичекъ (корень) бѣль {Врачев. Шенкур. уѣзда, 15.}." Но вотъ любовь кое-какъ сладилась, началась свадьба, и опять впутывается колдовство, и отравляетъ послѣдніе останки человѣческаго чувства. Въ селахъ шенкурскаго уѣзда живутъ нерѣдко по два, по три колдуна въ каждомъ, и всѣ они въ равной степени домогаются мѣсть дружки на свадьбахъ, -- мѣсть *выгодныхъ*, ибо дружка, въ продолженіи службы своей на свадьбѣ, сытъ, пьянъ, и, въ придачу, надѣленъ всячиной. Колдовство, среди котораго вертится народъ, и нравственный развратъ колдуновъ дошли до того, что всѣ три колдуна, услышавъ про свадьбу, заранѣе рассчитываютъ, на чей пай выпадетъ счастливая, выгодная роль дружки. Вотъ отправился свадебный поѣздъ, и началась дьявольская борьба между колдуномъ, провожающимъ свадьбу, и другими, которые остались безъ дѣла: иногда все сойдетъ хорошо, а въ другомъ случаѣ -- *испортятъ свадьбу* { Врачев. и забавы Шенк. уѣзда, 20.}. Сибирскія кликуши такъ и называются *порченными*. Портятъ еще посредствомъ *тенеть*, которыя запекаютъ въ пирогъ, и, при леченіи, порча выходитъ изъ желудка больной въ видѣ слизистаго, одушевленнаго вещества, которое нужно тотчасъ сжечь, *иначе болѣзнь воротится*. Учатся портить на рѣдкѣ: почернѣетъ вся рѣдка -- значитъ лекарство дѣйствуетъ {Этн. Сб. VI, 130.}. По словамъ народа, порча производится посредствомъ вѣтра (на вѣтеръ пуцаютъ), выемки слѣда, черезъ подкидываніе разныхъ вещей, и отъ *залому*. Колдуны дѣлаютъ во ржи заломы (пучки, хитро связанные изъ нѣсколькихъ соломинъ на корню, колосьями внутрь самага пучка), или закрутни, и отъ прикосновенія къ нимъ женщина поражается болѣзною, и умираетъ въ жестокихъ мукахъ {Тул. Г. Вѣд. 1861, 41.}. Отъ ужаса, охватывающаго женщину при одной мысли о колдовствѣ, женщина начинаетъ кликать, повидимому, отъ самыхъ пустыхъ вещей, напримѣръ, въ новгородской губ. "надъ дверьми ввернуто было пѣтушье перо, а въ полу гвоздемъ были заколочены волосья, уголь и соль {Якут. Пут. письма, 121.}." Собственно для напусканія кликушества существуютъ особые порчельники. Одинъ крестьянинъ, напускавшій икоту, для привлеченія дьявола, *держалъ крестъ въ сапогъ подъ пятой*, въ теченіе половины мѣсяца,

и приговаривалъ: "*отрекаюсь Бога и животворящаго креста, отдаю себя въ руки дьяволовъ*", и къ нему являлись дьяволы, требовавшія занятій. Въ Холмогорахъ, рассказывалъ крестьянинъ, была дѣвка, все лбомъ глядитъ, - такъ она икоту насаживала,-- ее выгнали изъ города {Пам. кн. Арх. губ. 1849, 74--93.}.

Такимъ образомъ, источникомъ истерическихъ припадковъ женщины служатъ: нравственныя страданія, жестокая жизнь, порча и вѣра въ колдовство. Какъ исключеніе, встрѣчаются ханжи-кликуши, которыя кличутъ притворно, собирая *на убожество болѣзное*, и изъ кликушества дѣлаютъ промыселъ {Сем. Свѣт. 1864, 4.}.

Обычныя симптомы истерики -- *звота* во время прекращенія приступа -- это дьяволъ выходитъ вонъ; во время приступа и вздутіе живота -- это дьяволъ мечется въ утробѣ. Кликуша одержима дьяволомъ, а потому въ церкви она не можетъ слышать *херувимской, запаха ладану, евангелія*, а у раскольниковъ -- *табаку*. Шевыревъ поэтому думалъ объяснять кликушъ приливомъ религіознаго чувства. "Во время херувимской, говоритъ онъ, какимъ-то особеннымъ трепетомъ бьется сердце благочестиваго русскаго, и здѣсь надобно искать объясненія тому психологическому явленію, которое извѣстно въ нашемъ простомъ народѣ между женщинами подъ именемъ кликушъ {Ист. Рус. слов. III, 108, 156.}. Кликуша *лаитъ по собачьи*, потому что въ періодѣ колдовства *собака* обратилась въ *пса*, -- образъ дьявола, и дьяволъ, сидящій въ человѣкѣ, только и можетъ, что *лаять по собачьи*. Одержимая дьяволомъ, кликуша *колдуетъ*, говоря отъ его имени, и его языкомъ, а потому, спрашивая кликушу, обращаются, не къ ней, а къ нему. Если у мужика что-нибудь пропало, а близко есть кликуша, то онъ говоритъ: "надо съѣздить къ кликушѣ, что она скажетъ"? Отправляясь къ ней, мужикъ везетъ ей что-нибудь за работу, и вѣруетъ всему, что она выкличетъ. Въ Архангельской губ., желающій получить предсказаніе отъ икотницы, приглашаетъ ее къ себѣ, и старается задобрить ее такимъ угощеніемъ, которое она особенно любитъ, потомъ уже начинаетъ ее спрашивать. Тогда съ кликушей начинаются муки: глаза расширяются, руки и ноги судорожно вытягиваются, больная рветъ на себѣ волосы, разрываетъ на себѣ одежду, и падаетъ на полъ; грудь и особенно животъ неестественно возвышаются, и сквозь болѣзненные стоны слышится голосъ

икотницы, дѣлающій предсказанія. Затѣмъ ее отводятъ домой, потому что сама она не въ силахъ идти {Карм. кн. для люб. землевѣд., 316.}.

Природа крайняго сѣвера, располагающая, по словамъ Кастрена, къ нервному состоянію, помогаетъ существованію особаго рода кликушъ, называемыхъ *икотницами*. Причиной истерической икоты бываютъ: пораженіе половыхъ органовъ, неправильность пищеваренія, дурная пища, состоящая изъ гнилой, зловонной рыбы, гнилая болотная почва, а особенно психическія явленія, происходящія отъ гнета семейнаго и общественнаго. Сначала больная чувствуетъ сильную головную боль, теряетъ аппетитъ, организмъ ея слабѣетъ, *икота опускается отъ головы къ сердцу*, является болѣзнь сердца, и спазматическое сокращеніе брюшной преграды, -- она кричитъ, смѣется, плачетъ. При самомъ сильномъ развитіи припадка больная лишается языка (нѣмая икота), а только издаетъ глубокіе отрывистые звуки; при менѣ сильной икотѣ больная говоритъ (говоруха), но не отвѣчаетъ на предлагаемые вопросы, и, наконецъ, третій видъ болѣзни, когда икотница приходитъ въ экстазъ и дѣлается способною для предсказаній. Икоту надо потѣшать, баловать, -- иначе она замучаетъ человѣка. Крестьянинъ пинежскаго уѣзда рассказывалъ: "къ намъ сюда ходитъ *молодая жонка*, здоровенна хороша, красна да бѣла, тоже икотница. Она рассказываетъ: когда чего захочу, вина ли, изюму ли, или тамъ чего, то сейчасъ покупаю; наѣмся и отпуститъ (икота), и хорошо, а какъ не потѣшу (икоту), не куплю, то всѣ волосы оборву у себя и руки сломаю".-- "Икота ребенка въ брюхѣ съѣдать, -- вотъ те Христось! съѣдать; довольно ребятъ заѣдаютъ. Одна жонка ее не правила, не тѣшила, чего захочетъ, не покупала, такъ она у робенка уши да затылокъ, да пальцы у рукъ съѣла".-- "Сватья Марья, старушонка, не любитъ парня чорнаго, гоняется за нимъ, палку возьметъ и побѣжить; *додразнятъ до того*, что она упадетъ, да ночнетъ сама на себѣ волосы драть, да кричать; раздуетъ всю, шея раздуется, сама покраснѣетъ, жилыѣ напрягется".-- "*Мужики узнаютъ, чего не любятъ икоты, и нарочно дразнятъ*. У сватьи, -- парня не любитъ, у невѣстки -- табаку; гдѣ курятъ табакъ, она зайдетъ и упадетъ, и закричитъ; или когда чего захочетъ, повалится и реветъ: дай да и только".-- "Никакого стыда въ ту-пору жонка не имѣетъ: матюгается, изорветъ все платье, рубаху -- какая же бы неволя притворяться"!-- У меня мать усю раздуетъ, по полу лежитъ сутки, какъ

мертва, даже головы не подниметь, языкъ захватить, зажметъ горло. Мы не по-однажды по матери плакали: какъ мертва лежитъ; *съ молодыхъ лѣтъ у ней двѣ насажено*; первая вина не пила, все сладости ѣла, а вторая вино стала пить; *матка другое сто живетъ, а все болѣтъ*; на дѣвкахъ у насъ было на двухъ; одна дѣвка такъ и осталась дѣвкою, а сватали: "куда пойду съ этимъ нездоровьемъ чужого вѣку заѣдать" {Пам. кн. Арх. губ. 1864, 87--193.}. Мужчины-икотники встрѣчаются не въ одномъ Поморьи, а въ Тверской губ., въ Иркутскѣ, и т. д. {Маякъ, XXXV, V, 78.}.

Чѣмъ же лечатъ кликушъ? Лечение отъ кликушества и икоты выходитъ изъ того же самаго колдовства, которое создало кликушу. Извѣстно, что еще въ арійскую эпоху индо-европейскаго племени священная пѣснь, гимнь (*mantra*), или молитва, перешла уже въ заклятіе и заговоръ, и олицетвореніе молитвы (*gàyatri*) заступило мѣсто Индры, и подобно ему поражало демоновъ. Съ этой ранней поры *заговоръ, слово*, получаютъ возможность распоряжаться нечистою силою, возбуждать любовь и ненависть, насылать болѣзни, и исцѣлять отъ нихъ. Такой колдовской смыслъ имѣетъ и *отчитыванье* кликушъ. Въ Орловской губ., для изгнанія изъ кликуши нечистаго духа обыкновенно нанимаютъ какого-нибудь старика-грамотѣя, который и долженъ читать надъ больной по зарямъ различныя молитвы. Нанятый старикъ является въ домъ, становится передъ божницею, очерчиваетъ вокругъ себя углемъ три раза, чтобъ за эту черту не перешолъ нечистый, и начинаетъ отчитывать, растягивая слова. Въ другихъ мѣстахъ отчитываютъ по монастырямъ, или монаховъ приглашаютъ на домъ. Докторъ Любимовъ рассказывалъ о столѣтней старухѣ, раскольницѣ безпоповщинской секты, которая, вмѣстѣ съ своими дочерьми, отчитывала кликушъ въ теченіи 20-ти лѣтъ {М. Мед. Газ. 1860, No 25--32.}. Вмѣстѣ съ молитвами употребляются особые заговоры *отъ кликуши*: "На аліонской горѣ и на абрааминской горѣ пречистая владычица мать Богородица, какъ породила Христа единого Господа -- при томъ дѣлѣ не было ни колдуна, ни еретницы, ни съ мужескаго полу, ни съ женскаго полу, ни съ ребячаго полу, и ни изъ дѣвичьяго,-- не испортить и не сглазить, ни черицу, ни ченцу, ни попу, ни дьячку, ни великому грамотнику. Огради его, Господи, силою честнаго креста, рожденнаго, молитвеннаго, крещенаго, исповѣданнаго, причащанаго, вѣнчаннаго (если женатъ) раба божія имярекъ" {Пам. Стар. Рус. Лит. III, 168.}. Иногда

прибѣгаютъ къ силѣ травъ, именно въ травѣ "называемой *бѣлой*, похожей на стебель лебеды, а подъ осень и внизу на землѣ листья зеленыя, а сверхъ бѣловатыя, а вкусъ у корня похожъ на инбирь, а когда во рту поддержишь подолѣ, и будетъ сладокъ" {Этн. Сб. II, 131.}. Путаясь въ безвыходномъ положеніи при появленіи кликуши, и не зная чѣмъ помочь, въ Вятской губ., во время пароксизма, надѣваютъ на больную *хомутъ съ потной лошади* {Совр. 1856, XI, см. 8.}. Между тѣмъ, собственно есть одно только лекарство -- это поднятіе низко упавшаго уровня народной жизни, ведущее за собой просвѣщеніе и всеобщее благосостояніе.

И. Прыжовъ.

"Вѣстникъ Европы", No 10, 1868